

Фредерик
КОПЛСТОН

ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ
И ДРЕВНИЙ РИМ

Том I

ЦЕНТРОДИДІАЛО

Фредерик Коплстон

**История философии. Древняя
Греция и Древний Рим. Том I**

«Центрполиграф»

Коплстон Ф.

История философии. Древняя Греция и Древний Рим. Том I /
Ф. Коплстон — «Центрполиграф»,

ISBN 5-9524-0297-6

В двухтомнике известного английского ученого, доктора философии, профессора, автора многочисленных трудов и монографий Фредерика Коплстона анализируются основные направления греческой и римской философской мысли. Вы познакомитесь с ее первыми, порой довольно наивными идеями, узнаете или расширите знания о философских системах Фалеса, Анаксимандра, Пифагора, Гераклита, Парменида, Зенона, Сократа, Платона и Аристотеля, проследите за возникновением и развитием множества философских школ и течений. А также сможете изучить расширение влияния школы стоиков и эволюцию последнего творческого взлета античной мысли, неоплатонизма Плотина. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 5-9524-0297-6

© Коплстон Ф.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Зачем изучать историю философии?	7
Содержание истории философии	10
Как изучать историю философии	13
Античная философия	15
Часть первая	17
Глава 1	17
Глава 2	23
Фалес	23
Анаксимандр	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фредерик Коплстон

История философии. Древняя Греция и Древний Рим. Т. I

Предисловие

Существует уже такое множество историй философии, что, пожалуй, следует объяснить, зачем понадобилась еще одна. Я написал эту книгу, задуманную как первый том полной истории философии, для того, чтобы католические духовные семинарии получили пособие, в котором давалась бы подробная характеристика философских проблем и описывался более широкий круг философов, чем в обычных учебниках, и также рассматривалось бы логическое развитие и взаимосвязь различных философских систем. Это верно, что на английском языке издано несколько книг, которые (в отличие от научных монографий, посвященных отдельным темам) дают научно обоснованный обзор всей истории философии, но точка зрения их авторов иногда очень сильно отличается от мировоззрения автора данного учебника и тех студентов, для которых она предназначена. Я понимаю, что, если речь заходит об истории философии, выражение «точка зрения» может вызвать некоторое недоумение, однако ни один настоящий историк не будет писать книгу, не имея своей собственной позиции, служащей ему точкой отсчета. Если же таковая отсутствует, то он должен применять какой-то другой принцип отбора материала, от которого зависит, какие события он захочет осветить и как будет их трактовать. Любой добросовестный историк, вне всякого сомнения, стремится быть как можно более объективным и старается избегать искушения исказить факты, чтобы они вписывались в заранее выбранную теорию, и, наоборот, замалчивать те, которые в нее не вписываются. Если же автор желает написать исторический труд, отказавшись вообще от какого-либо принципа отбора материала, то из-под его пера выйдет лишь голая хроника, а не историческое исследование, простое перечисление событий или взглядов, без понимания их связи и смысла. Что бы мы подумали об авторе, написавшем книгу по истории Англии, в которой размер гардероба королевы Елизаветы и поражение испанской армады были бы представлены как совершенно равнозначные факты и в которой не было бы сделано никаких попыток показать, как готовилось испанское вторжение, какие причины его вызвали и к каким результатам привел разгром испанского флота? В случае с историком философии его собственные философские убеждения, безусловно, повлияют на то, какие именно факты он отберет для своей книги, или, по крайней мере, на то, какие факты и аспекты он особенно подчеркнет. Возьмем два простых примера: представим себе двух историков античной философии, которые с одинаковой объективностью исследовали, к примеру, историю платонизма и неоплатонизма. Однако если один из них убежден, что весь «трансцендентализм» – это чистой воды обман, а другой искренне верит в реальность трансцендентного, то нетрудно догадаться, что их презентации платоновской традиции будут совершенно различными. Они оба могут изложить взгляды платоников объективно и добросовестно: однако первый, вероятнее всего, не будет уделять особого внимания метафизике неоплатонизма и, к примеру, посчитает неоплатонизм неудачным завершением греческой философии, впавшей в «мистицизм» или «ориентализм». Другой же, наоборот, подчеркнет именно синкретический аспект неоплатонизма и его важность для христианской мысли. Никто из них не исказит фактов: описывая взгляды философов, не припишет чьи-то убеждения другому и не умолчит какие-то факты; никто не перепутает хронологию событий и не исказит логические взаимосвязи, но, тем не менее, представленные ими картины платонизма будут резко отличаться друг от друга. Учитывая это, я без всяких колебаний утвер-

жду, что имею полное право написать работу по истории философии с позиций схоластики. Глупо было бы отрицать, что в ней могут встречаться ошибки или неправильное толкование отдельных сюжетов, допущенные по неведению, однако я со всей ответственностью заявляю, что стремился к объективности. В то же время я убежден, что наличие у автора четкой идейной позиции – это скорее достоинство, чем недостаток. По крайней мере, такая позиция позволяет автору создать логически последовательную и хорошо продуманную историю философии, которая в противном случае превратилась бы в простое перечисление никак не связанных между собой взглядов.

Из всего вышеизложенного становится ясным, что я писал свою книгу не для ученых или специалистов, а для студентов особого рода, основная масса которых впервые знакомится с историей философии. Эти студенты изучают ее параллельно с курсом систематической схоластики, которой они посвятят в дальнейшем свою жизнь. Для этих читателей (хотя я буду рад, если эта книга окажется полезной и другим) серия монографий исследовательского характера окажется менее полезна, чем книга, специально созданная как учебник, но способная побудить отдельных студентов обратиться к оригинальным философским текстам, а также к комментариям и трудам знаменитых ученых, посвященным этим текстам. В процессе работы над книгой я старался не забывать об этом, ибо *qui vult finem, vult etiam media*¹. Если же эта книга попадет в руки читателя – хорошо знакомого с литературой по истории античной философии, – который обнаружит, что вот эта идея основана на высказываниях Бернета и Тейлора, а эта – заимствована у Риттера, Джегера, Стенцеля или Прехтера, то я хочу сказать, что сам прекрасно об этом осведомлен и не мог не критически, не раздумывая воспринять идеи данных специалистов. В поисках истины конечно же необходима самостоятельность мышления, однако стремление к оригинальности ради оригинальности историку не к лицу. Поэтому я охотно признаю свой долг перед учеными, составляющими гордость британской и континентальной науки, такими, как профессор А.Э. Тейлор, сэр Давид Росс, Константин Риттер, Вернер Джегер и другие. Более того, одной из причин написания этой книги стал тот факт, что в учебниках, по которым учатся студенты, уделяется слишком мало внимания критическим выводам современных специалистов. Что касается меня, то обвинение в игнорировании этих источников я буду считать более справедливым, чем обвинение в чрезмерном их использовании.

Ссылки в разделе «Досократики» были сделаны по пятому изданию «*Vorsokratiker*» Дильса (оно обозначено буквой D в списке ссылок). Некоторые отрывки я перевел сам, другие использовал в английском переводе Бернета из его книги «Ранняя греческая философия». Название этой книги в списке ссылок приводится в виде аббревиатуры РГФ, а книга «Очерки по истории греческой философии», написанная Целлером, Нестле и Пальмером, обозначена как «Очерки». Сокращения названий диалогов Платона и работ Аристотеля легко узнаваемы.

¹ Кто жаждет предельного, получает также и среднее (*лат.*). (Здесь и далее знаком * отмечены примечания переводчика).

Введение

Зачем изучать историю философии?

1. Вряд ли можно считать образованным человека, совершенно не знающего истории; каждый человек должен иметь хотя бы некоторое представление о своей стране, ее политическом, социальном и культурном развитии, о произведениях ее литературы и искусства. Не лишним было бы и знакомство с европейской, а также, в определенной степени, с мировой историей. В то же время англичанин, считающий себя образованным и культурным, обязан знать не только об Альфреде Великом и Елизавете, о Кромвеле, норманнском завоевании, Реформации и промышленной революции, но и об английских философах – Роджере Бэконе и Дунсе Скоте, Фрэнсисе Бэконе и Гоббсе, Локке, Беркли и Юме, Дж.С. Милле и Герберте Спенсере. Более того, совершенно немыслимо, чтобы образованный человек не имел никакого представления о Греции и Риме, ибо для него было бы величайшим стыдом признаться, что он никогда не слыхал о Софокле и Вергилии и что ему неизвестно, откуда пошла европейская культура. Но раз так, то трудно себе представить, чтобы такой человек ничего не знал о трудах Платона и Аристотеля, двух величайших мыслителей всех времен и народов, стоявших у истоков европейской философии. И если культурный человек знает Данте, Шекспира и Гете, святого Франциска Ассизского и Фра Анжелико, Фридриха Великого и Наполеона I, то почему бы ему не знать святого Августина и святого Фому Аквинского, Декарта и Спинозу, Канта и Гегеля? Совершенно абсурдно полагать, что, зная о великих завоевателях и разрушителях, простительно оставаться в полном неведении о великих подвижниках, созидавших здание европейской культуры. Ведь не только знаменитые художники и скульпторы, но и великие мыслители вроде Платона и Аристотеля, святого Августина и святого Фомы Аквинского, обогатившие своими идеями Европу и ее культуру, оставили нам в наследство богатство, над которым не властно время. Таким образом, чтобы стать культурным человеком, необходимо получить представление о развитии европейской философии, ибо наше время стало таким, как есть, – не важно, хорошим или плохим, – не только благодаря художникам и военным, но и благодаря философам.

Никто не станет утверждать, что чтение произведений Шекспира или созерцание творений Микеланджело – это пустая трата времени, ибо их произведения бессмертны и за годы, истекшие со дня смерти их создателей, не потеряли своей ценности. Аналогичным образом не следует считать потерей времени изучение идей Платона, Аристотеля или святого Августина, ибо творения этих философов принадлежат к числу выдающихся достижений человеческого духа. После смерти Рубенса жили и творили другие выдающиеся художники, но это отнюдь не умаляет ценности полотен Рубенса; после Платона сменилось много философов, но это не уменьшает интереса к философским идеям Платона и не лишает их присущей им красоты. Но если для всякого культурного человека знакомство с историей философии является скорее не обязательным, а всего лишь желательным – насколько позволяют его занятия, склад ума и специальность, – то студентам–философам знать историю своего предмета, как говорится, сам бог велел. Это особенно важно для студентов, изучающих схоластическую традицию, получившую название *вечной философии* (*philosophia perennis*). Здесь не место спорам о правомерности этого именованья, скажу лишь, что эта философия возникла не на голом месте, а выросла из философии древности, и если мы хотим по достоинству оценить наследие святого Фомы Аквинского или Дунса Скота, то должны сначала ознакомиться с творениями Платона, Аристотеля и святого Августина. Более того, если и вправду *вечная философия* существует, то справедливо было бы ожидать, что даже современные мыслители, чьи идеи на первый взгляд

весьма далеки от идей святого Фомы Аквинского, будут использовать отдельные принципы этой философии. Но даже если этого не происходит, в таком случае все равно полезно посмотреть, к каким результатам приводит использование этих «ложных» посылок и «ошибочных» принципов. Нельзя также не признать порочной практику осуждения мыслителей, чьи идеи и взгляды не были поняты или по достоинству оценены при их жизни. Следует также отметить, что использование *истинных принципов* во всех сферах философской мысли было характерно не только для Средних веков – современная философская мысль тоже имеет свои достижения, в частности в области эстетики или натурфилософии.

2. Мне могут возразить, что различные философские системы прошлого – это всего лишь антикварные реликвии, что вся история философии состоит из «отвергнутых и мертвых в духовном отношении систем, ибо каждая последующая система уничтожала и погребала предыдущую»¹. И разве Кант в свое время не утверждал, что метафизика всегда «поддерживает ум человеческий в состоянии неопределенности посредством надежд, которые никогда не угасают, но и никогда не исполняются» и что «в то время как любая другая наука непрерывно движется вперед», в метафизике ум «постоянно вертится на одном месте, не делая ни шага вперед»²? Платонизм и аристотелизм, схоластика, картезианство, кантианство и гегельянство – все они пережили период своей популярности и были подвергнуты критике: А.Н. Уайтхед утверждает, что при желании всю европейскую философскую мысль можно представить как засоренную непримиримыми метафизическими системами, отвергнутыми историей. Зачем же тогда изучать весь этот хлам, скопившийся в кладовке истории?

И все–таки, даже если бы все философии прошлого не только подверглись критике (что совершенно естественно), но и были бы опровергнуты (что совсем не одно и то же), утверждение «на ошибках учатся» остается в силе, если, конечно, относиться к философии как к настоящей науке, а не как к блужданию в потемках. Приведем пример из средневековой философии. Выводы, к которым, с одной стороны, пришли крайние «реалисты», а с другой – «номиналисты», показывают, что решение проблемы универсалий находится где–то посередине, между этими двумя крайностями. История этой проблемы служит экспериментальным доказательством тезиса, изучающегося в университетах. Аналогичным образом тот факт, что абсолютный идеализм не сумел дать адекватного объяснения «конечным сущностям», может быть вполне достаточным, чтобы отратить любого человека от желания ступить на путь монизма. А та настойчивость, с которой современная философия разрабатывает теорию познания и субъект–объектных отношений, невзирая на весьма своеобразные выводы, сделанные ею, ясно показывает, что субъект преобразуется в объект не в большей степени, чем объект в субъект. Марксизм, несмотря на свои фундаментальные ошибки, научил нас учитывать влияние техники и экономики на высшие сферы человеческой культуры. Поэтому тем, кто хочет постичь философию *ab ovo*², а не какую–то отдельную философскую систему, без изучения истории философии не обойтись; в противном случае он рискует зайти в тупик и повторить ошибки своих предшественников, от чего сможет уберечь его только серьезное изучение философской мысли прошлого.

3. Существует опасение, что изучение истории философии может развить в человеке скептический склад ума, и оно совершенно справедливо, однако следует помнить, что сам факт постоянной смены философских систем вовсе еще не доказывает, что все они были ошибочными. Если философ X критикует и старается опровергнуть теорию философа Y, то это отнюдь не означает, что позиция Y несостоятельна, поскольку X мог отвергать ее, не имея на то достаточных оснований или исходя из ложных посылок. Мир знает много религий: буддизм, индуизм, зороастризм, христианство, – однако отсюда вовсе не следует, что христианство нельзя назвать истинной религией: чтобы доказать его неистинность, надо опровергнуть всю христи-

² В ее истоках (*лат.*).

анскую апологетику. Но поскольку абсурдно было бы утверждать, что сам факт существования различных религий свидетельствует, что ни одна из них не может быть истинной, также абсурдно утверждение, что смена философских систем *ipso facto*³ демонстрирует, что нет и не может быть истинной философии. (Мы вовсе не собираемся утверждать, что ни одна мировая религия, кроме христианства, не содержит истины. Более того, между истинной (Богооткровенной) религией и истинной философией существует огромная разница. Первая, будучи Богооткровенной, истинна во всем, в целом, в то время как истинная философия может быть верна в главном, в тех принципах, которые она применяет, оставляя в данный период времени нерешенными определенные проблемы. Философия, представляя собой плод человеческого разума, а не Божественного откровения, постоянно развивается и изменяется. Благодаря появлению новых подходов или возникновению новых проблем, благодаря вновь открытым фактам и новым ситуациям и т. д. перед ней открываются новые перспективы. Поэтому не следует считать «истинную философию», или «*philosophia perennis*», каким-то набором застывших и закорстевших принципов и утверждений, не подверженных развитию и совершенствованию).

³ Самим своим фактом (*лат.*).

Содержание истории философии

1. История философии – это, разумеется, не простое собрание взглядов и мнений отдельных философов и не изложение идей, никак между собой не связанных. Если считать историю философии всего лишь перечислением взглядов различных мыслителей, основанным на убеждении, что все они имеют одинаковую ценность или, наоборот, одинаково несостоятельны, тогда эта наука превратится «в пустую болтовню или, если хотите, развлечение для эрудитов»³. Мы находим в истории философии непрерывность и связь, действие и противодействие, тезис и антитезис; никакую философскую систему невозможно понять до конца, если не знать исторических условий, в которых она сложилась, и не учитывать ее связь с другими системами. Разве можно понять, что имел в виду Платон или почему он рассуждал так, а не иначе, не зная ничего об идеях Гераклита, Парменида и пифагорейцев? Разве можно понять позицию Канта по отношению к пространству, времени и категориям, ничего не зная о британском эмпиризме и не имея представления о том, как повлияли на Канта скептические выводы Юма?

2. Итак, история философии – это не собрание мнений отдельных философов, никак между собой не связанных; однако нельзя сказать и того, что она представляет собой непрерывный прогресс или даже развитие по спирали. Это верно, что при желании можно подыскать примеры, подтверждающие существование гегелевской триады: тезис – антитезис – синтез, однако ученому–историку не подобает принимать а priori какую–то схему, а затем подгонять под нее факты. Гегель высказал предположение, что смена философских систем «представляет собой закономерную смену этапов развития» философии, но это было бы возможным только в том случае, если бы философская мысль человека направлялась бы «абсолютным духом». Нет никаких сомнений, что с практической точки зрения направление, которое примут мысли того или иного философа, определяется предшествующими и современными ему системами; кроме того, на формирование его взглядов оказывает большое влияние личный темперамент, его воображение, историческая и социальная обстановка, в которой он живет, и т. д. Тем не менее ничто не заставляет мыслителя использовать в своей системе те или иные посылки и принципы или интерпретировать философские взгляды своих предшественников так, как он это делает. Фихте был убежден, что его система логически вытекает из системы Канта и между ними действительно существует логическая связь, что хорошо известно любому современному студенту–философу; однако ничто *не заставляло* Фихте развивать философию Канта в том направлении, в каком он это сделал. Наследник идей Канта мог пойти и совсем другим путем – подвергнуть критике посылки Канта и заявить, что выводы, которые тот позаимствовал у Юма, не соответствуют истине; он мог бы руководствоваться принципами философов, живших до Канта, или вывести свои собственные. В истории философии действительно присутствует логическая последовательность систем, но она не является закономерной в строгом смысле слова.

Поэтому мы не можем согласиться с утверждением Гегеля, что «ведущее философское направление периода является результатом всего развития и представляет собой истину в самом высшем ее проявлении, где самосознание духа находит себя»⁴. Очень многое зависит, конечно, от того, по какому принципу вы выделяете «периоды» и что вам заблагорассудится считать их ведущим философским направлением. Выбор здесь неограничен, и если человек руководствуется предвзятыми мнениями и собственными желаниями, то предсказать его практически невозможно. Однако можем ли мы гарантировать (если конечно же не примем с самого начала точку зрения Гегеля как единственно верную), что выбранное нами ведущее направление будет представлять собой высшее достижение философской мысли своего времени? Можно с законным правом говорить о существовании средневекового периода в истории философии и выбрать в качестве его ведущего направления оккамизм, однако мы должны согла-

ситься, что его никак нельзя считать высшим достижением средневековой мысли. Развитие средневековой философии, как показал профессор Жильсон, происходило не по прямой, а скорее по *кривой* линии. И тут же напрашивается вопрос: какую философскую систему современности можно считать синтезом всех предшествующих систем?

3. Вся история философии представляет собой поиски человеком Истины с помощью дискурсивного мышления. Неотомист, следуя словам святого Фомы «*Omnia cognoscuntia cognoscunt implicite Deum in quolibet cognito*»⁴, убежден, что всякое суждение выходит за пределы своих рамок, так как имплицитно всегда содержит отнесение к Абсолютной Истине, Абсолютному Бытию. В любом случае мы можем сказать, что поиск истины в конечном счете представляет собой поиск Абсолютной Истины, Бога, и даже те философские системы, которые отвергают этот факт, к примеру исторический материализм, служат его подтверждением, поскольку все они ищут, пусть неосознанно, пусть даже не признаваясь в этом самим себе, конечное Основание, высшую Реальность. И даже если эти поиски приводят к появлению весьма своеобразных доктрин и режущих ухо заключений, все равно мы не можем не испытывать определенного сочувствия и интереса к попыткам разума достичь Истины. Кант, не веривший, что метафизика была или могла бы стать наукой в традиционном смысле этого слова, тем не менее считал, что нельзя остаться равнодушным к объектам, которые она изучает, – Богу, Душе и Свободе⁵, а мы от себя добавим, что нельзя остаться равнодушным и к поискам человеческим разумом Истины и Добра. Однако если мы задумаемся над тем, как легко пойти по ложному пути и как часто личный темперамент, образование и другие «случайные» факторы заводят мыслителя в интеллектуальный тупик, а также вспомним, что человек – это не голый интеллект, что процессы в его теле легко подвергаются посторонним воздействиям, то мы поймем, что без Божественного Откровения Абсолютной Истины не достичь. Тем не менее это не должно приводить нас в отчаяние; не следует терять веру в возможности человеческого разума или сомневаться в добросовестности мыслителей прошлого, шедших по своему пути в поисках Истины.

4. Автор этой книги придерживается томистской точки зрения, которая гласит, что *вечная философия* существует и этой философией является томизм в широком смысле этого слова. Но автор хотел бы сделать два замечания по этому поводу:

а) утверждение, что философия томизма является вечной, вовсе не означает, что эта система ограничена рамками какой-либо исторической эпохи и не способна к дальнейшему развитию;

б) вечная философия после средневекового периода развивалась не параллельно и не в отрыве от современной философии, а внутри ее и с ее помощью. Я хочу этим сказать не то, что философию Спинозы или Гегеля, к примеру, можно понять только с помощью томизма, а то, что если философы, отнюдь не считающие себя «схоластами», используют *истинные принципы* и приходят к правильным выводам, то эти выводы должны рассматриваться как принадлежащие *вечной философии*.

К примеру, у святого Фомы Аквинского есть некоторые рассуждения о государстве, и, не имея никакого намерения критиковать его принципы, мы тем не менее прекрасно понимаем, что в XIII веке нельзя было разработать детальную философскую теорию современного государства. Да и с практической точки зрения совершенно немыслимо, как такая теория, построенная на принципах схоластики, могла бы быть воплощена в жизнь, пока не возникло само современное государство и нынешнее отношение к нему. Только после того, как мы на своем собственном опыте убедились, что такое либеральное государство, а что – тоталитарное, а также изучили соответствующие политические теории, мы смогли понять тот скрытый смысл, который содержится в немногочисленных высказываниях святого Фомы на эту тему,

⁴ Всякий познающий что-либо познает тем самым Бога (*лат.*).

и можем теперь разработать тщательно продуманную схоластическую теорию современного государства. Эта теория будет содержать все то положительное, что имеется в других теориях, но будет избавлена от их недостатков. В результате такая теория государства будет не простым развитием схоластических принципов в полной изоляции от современной исторической ситуации, но развитием этих принципов с учетом исторических условий, развитием, достигнутым на основе использования оппозиционных теорий. Если принять эту точку зрения, мы сможем поддерживать идею вечной философии, не обрекая себя, с одной стороны, на узость взгляда, ограничивающего вечную философию рамками определенного исторического периода, а с другой стороны, на гегелевское понимание философии, которое строится на утверждении, что Истина в данный конкретный момент абсолютно недостижима (хотя сам Гегель, похоже, думал совсем по-другому, в чем и проявилась его непоследовательность).

Как изучать историю философии

1. Первое, что следует подчеркнуть, – это необходимость учитывать исторические условия, в которых возникла та или иная философская система, и ее связь с другими системами. Этот принцип уже упоминался и не требует дальнейших разъяснений: нет никакого сомнения в том, что воззрения и смысл философии того или иного мыслителя можно правильно понять только в том случае, если знать те исторические условия, в которых он жил. Уже приводился пример с Кантом; мы только тогда сможем понять, как создавалась его теория а priori, если примем во внимание историческую ситуацию того времени. В те годы появилась критическая философская система Юма; рационализм, господствовавший на континенте, потерпел полное банкротство, а математика и Ньютонова физика давали достоверные результаты. Аналогичным образом мы можем лучше понять философию жизни Генри Бергсона, если рассмотрим ее в связи с предшествовавшими ей механистическими теориями и французским спиритуализмом.

2. Для более эффективного изучения истории философии необходимо испытывать определенную эмпатию по отношению к изучаемому философу, иными словами, уметь понять его психологию и склад ума. Желательно также, чтобы историк философии имел некоторое представление о философе как о человеке (конечно же знать все обо всех мыслителях невозможно). Это помогает «вжиться» в изучаемую систему, позволяет рассмотреть ее как бы изнутри, уловить только ей присущий «аромат» и характерные черты. Мы должны попытаться поставить себя на место изучаемого философа и рассмотреть его идеи, как если бы они родились у нас самих. Способность к сопереживанию, умение мысленно перевоплотиться в своего «героя» особенно необходимы философу–схоласту для понимания современной философии. Если такой философ, к примеру, исповедует католическую религию, то современные системы или по крайней мере некоторые из них покажутся ему поначалу причудливыми и даже уродливыми, во всяком случае, недостойными серьезного изучения. Однако если ему удастся (не отрекаясь, разумеется, от принципов своей веры) рассмотреть эти системы с точки зрения их творцов, то у него появится гораздо больше шансов понять их смысл. Однако не следует и слишком увлекаться изучением психологии философа, ибо это помешает вам понять, истинны или ложны его идеи сами по себе, а также выявить логические связи его системы с системами других философов. Психологу вполне достаточно знать психологию того или иного мыслителя, историку же философии – нет. Например, чисто психологический подход может создать впечатление, что система Артура Шопенгауэра – это творение озлобленного, мрачного и разочарованного в жизни человека, наделенного даром слова, эстетическим воображением и пронзительным умом, только и всего. При таком подходе может показаться, что философия этого мыслителя – простое отражение определенных состояний его психики. Однако в таком случае будет проигнорирован тот факт, что пессимистическая волюнтаристская система Шопенгауэра явилась, по большому счету, реакцией на оптимистический рационализм Гегеля. Кроме того, не будет учтено то важное значение, которое имеет эстетическая теория Шопенгауэра сама по себе, вне зависимости от того, каким был человек, создавший ее, и, кроме того, будет полностью проигнорирована проблема зла и страдания, исследуемая в системе Шопенгауэра. А ведь эта проблема существует независимо от того, был ли Шопенгауэр разочарованным человеком, лишившимся иллюзий, или нет. Аналогичным образом, хотя знание биографии Фридриха Ницше и служит большим подспорьем для понимания его идей, эти идеи имеют ценность сами по себе, вне зависимости от характера человека, который их высказал.

3. Чтобы проложить свой путь в систему того или иного мыслителя, чтобы до конца понять не только слова и фразы, но и оттенки значений, которые хотел передать автор (насколько это возможно), чтобы изучить детали системы в их связи с целым, чтобы полностью осознать, что породило эту систему и каковы ее следствия, требуется длительное время.

Поэтому общим правилом в истории философии, как и в любой другой науке, должна стать специализация историка на той или иной теме. Человек, изучающий, к примеру, философию Платона, должен хорошо знать греческий язык и историю, греческую математику, греческую религию и науку и т. д. Словом, специалисту необходимо иметь обширные знания; однако если он хочет стать настоящим историком философии, то он не должен забывать о главном – умении проникнуться духом изучаемой философии, чтобы подарить ей вторую жизнь в своих книгах и лекциях. Знания необходимы, но одних знаний недостаточно.

На изучение наследия одного мыслителя может уйти вся жизнь, и в конце ее выяснится, что осталось еще много непознанного, а это означает, что человек, набравшийся смелости написать книгу, охватывающую всю историю философии, вряд ли может надеяться на то, что его труд будет иметь ценность для специалистов. Автор этой книги прекрасно это понимает, и, как уже упоминалось в предисловии, писал эту книгу не для специалистов, а с помощью специалистов, иными словами, опираясь на их труды. Нет нужды еще раз повторять причины, заставившие автора взяться за написание этой книги, но нелишне подчеркнуть, что он будет считать свой труд вознагражденным, если эта книга, хотя бы в малой степени, поможет студентам расширить не только свои познания, но и кругозор, а также лучше понять и оценить интеллектуальный подвиг человечества и конечно же прочнее и глубже усвоить принципы вечной философии.

Античная философия

В этой книге рассматривается философия Древней Греции и Рима. Здесь нет нужды рассуждать о значении греческой культуры для нашей цивилизации. Верно сказал Гегель: «В имени «Греция» каждому европейцу слышится что-то родное»⁶. Никто не станет отрицать, что греки оставили европейскому миру бесценное наследство – свою литературу и искусство, это справедливо и в отношении философской мысли. Возникнув в Малой Азии, греческая философия достигла расцвета в эпоху двух великих мыслителей – Платона и Аристотеля – и позже, через неоплатонизм, оказала огромное влияние на формирование христианского мышления. Эта философия, представляющая собой первый этап в развитии европейской мысли, а также имеющая большое значение сама по себе, особенно интересна для любого студента-философа. Греческая философия изучала проблемы, не потерявшие своего значения и поныне; в ней мы находим интересные решения этих проблем, и, хотя ее отличает некоторая наивность, самонадеянность и склонность к поспешным выводам, эта философия остается одним из величайших достижений европейской цивилизации. Более того, будучи интересной для всех входящих в мир философии, особенно полезна студентам, изучающим схоластику, которая столь многим обязана Платону и Аристотелю.

Философия греков, как и литература и искусство, представляет собой их собственное достижение, плод их энергии и свежести восприятия мира. Мы не должны допускать, чтобы достойное всяческой похвалы стремление проследить возможное влияние на греческую культуру извне привело нас к недооценке самобытности греческого мышления. Как утверждает Бернет: «Мы скорее склонны недооценивать, чем переоценивать самобытность мышления греков». Стремление историков докопаться до истоков приводит к появлению очень ценных критических работ, и было бы глупо преуменьшать их значение, однако не следует слишком увлекаться критикой, поскольку может наступить такой момент, когда она перестанет быть научной. Например, не следует принимать а priori утверждение о том, что все мыслители заимствовали свои идеи у предшественников. Если считать, что это так, тогда, по логике вещей, мы должны будем допустить, что в древности жил какой-то сверхмыслитель, стоявший у истоков всех философских систем. Не можем мы считать верным и утверждение, что если у двух философов-современников или у двух философских школ имеются схожие концепции, то это означает, что одна школа позаимствовала их у другой. Разве не абсурдно утверждать, что если отдельные элементы какого-либо христианского обычая или ритуала встречаются в религиях азиатских стран, то это значит, что данный обычай заимствован христианством оттуда? Аналогичным образом абсурдно предполагать, что если греческая философия содержит идеи, сходные с идеями восточной философии, то это означает, что греки позаимствовали их на Востоке. В конце концов, человеческий разум, будь то разум грека или индуса, склонен интерпретировать похожие явления одинаковым образом, и нет никакой необходимости полагать, что сходство интерпретаций является неопровержимым доказательством заимствования. Эти замечания сделаны не с целью умалить значение критического направления в истории философии, а для того, чтобы подчеркнуть, что историческая критика должна основывать свои выводы на достоверных фактах, а не «априорных предположениях», придающих им псевдоисторический характер. Легитимная историческая критика, по крайней мере до сих пор, не подвергала сомнению самобытность греческой философии.

Римская философия по сравнению с греческой беднее содержанием, поскольку римляне в своих философских изысканиях опирались в основном на греческие идеи; точно так же как их искусство и в значительной степени литература создавались под большим влиянием греческих. У римлян были свои достижения (на ум сразу же приходит римское право), но они не принадлежат к области философии. Однако, хотя римская школа и возникла на основе гре-

ческой, и этого никто не станет отрицать, мы не можем позволить себе проигнорировать ее, поскольку она породила идеи, получившие широкое распространение среди наиболее культурных представителей класса, ставшего позже властелином цивилизованной Европы. К примеру, творения поздних стоиков или учение Сенеки, Марка Аврелия или Эпиктета разворачивают перед нами во многих отношениях впечатляющую и благородную картину, которая не может не вызывать восхищения даже с учетом того, что ей многого не хватает. Нам хотелось бы также дать студентам–теологам некоторое представление о лучших сторонах варварства, а также о различных течениях мысли греко–романского мира того периода, когда в нем зародилась и выросла Богооткровенная религия. Было бы достойно сожаления, что студенты, хорошо знающие историю правления Юлия Цезаря или Траяна, наслышанные о бесчинствах Калигулы и Нерона, не знали бы ничего об императоре–философе Марке Аврелии и о влиянии на Рим грека Плотина, который, не будучи христианином, был тем не менее глубоко религиозным человеком и чье имя было так дорого первому христианскому философу святому Августину.

Часть первая Досократики

Глава 1

Колыбель западной философской мысли: Иония

Греческая философия зародилась на побережье Малой Азии, и первые греческие философы были ионийцами. В то время как сама Греция находилась в состоянии относительного хаоса или варварства, последовавшего за вторжением дорийцев в XII веке до н. э., которое разрушило старую эгейскую культуру, Иония сохраняла дух старшей цивилизации. Именно к ионическому миру принадлежит Гомер, несмотря на то что он создавал свои поэмы под покровительством новой ахейской аристократии. Поэмы Гомера нельзя, разумеется, назвать философскими произведениями в полном смысле этого слова (хотя они конечно же имеют огромное значение, поскольку рассказывают нам о взглядах на мир и образе жизни греков той эпохи; трудно также переоценить их воспитательное значение для греков более поздних времен), ибо отдельные философские идеи, встречающиеся в его поэмах, не складываются в стройную систему. Этим они отличаются от поэм Гесиода, эпического писателя, жившего в материковой части Греции, который излагал в них свои пессимистические взгляды на историю и выражал свою веру в господство закона в животном мире и в то, что наступит время, когда среди людей восторжествует справедливость). То, что величайший поэт Греции и первые философские системы появились именно в Ионии, имеет очень большое значение. Однако эти два великих детища ионийского гения, поэмы Гомера и ионийская космология, вовсе не следовали друг за другом. Что бы мы ни думали об авторстве, композиции и времени создания гомеровских поэм, совершенно ясно, что общество, описанное в них, отнюдь не то общество, в котором возникла ионийская космология, – это более примитивное общество. И опять–таки, общество, описанное Гесиодом, жившим позднее Гомера, весьма далеко от общества греческого полиса, ибо за этот период греческая аристократия лишилась своей власти, что способствовало свободному развитию и росту городов в материковой части Греции. Ни подвиги героев, воспетые в «Илиаде», ни господство земельной аристократии, отраженное в стихах Гесиода, не способствовали развитию греческой философии. Наоборот, ранняя греческая философия, хотя и созданная конечно же отдельными личностями, была порождена развитием городов и выражала в определенной степени господство закона и концепцию закона, которую досократики распространили в своих космологиях на всю Вселенную. Поэтому существует, в определенном смысле, преемственность между гомеровским высшим законом, управляющим богами и людьми, между миром, изображенным Гесиодом, и его моральными ценностями и ранней ионийской космологией. Когда общественная жизнь устоялась, люди смогли заняться рациональной рефлексией, и в период детства философии ее основным объектом стала Природа как целое. Впрочем, с психологической точки зрения это совершенно естественно.

Таким образом, нет смысла отрицать, что греческая философия была создана народом, чья цивилизация уходит корнями в доисторическое прошлое, и то, что мы называем ранней греческой философией, было «ранним» лишь по отношению к последующей философии и расцвету греческой мысли и культуры в материковой части Греции. По отношению же к предыдущим эпохам ее можно рассматривать скорее как детище зрелой цивилизации, знаменующее собой угасание ионийского величия, с одной стороны, а с другой – возвещающее наступление периода блестящей эллинской, и в особенности афинской, культуры.

Мы назвали раннюю греческую философию уникальным достижением ионийской цивилизации, однако следует помнить, что Иония представляет собой место встречи Запада и Востока. Отсюда вопрос: не возникла ли греческая философия под влиянием Востока, иными словами, не была ли она заимствована у Вавилона и Египта? Такая точка зрения бытует, но от нее придется отказаться. Греческие писатели и философы никогда не упоминали в своих произведениях о вавилонской или египетской философии, даже Геродот, которому была так дорога идея о египетских корнях греческой цивилизации и религии. Теория восточного происхождения греческой цивилизации была создана александрийскими писателями и впоследствии была подхвачена христианскими апологетами. К примеру, египтяне эллинских времен интерпретировали свои мифы в терминах греческой философии, а затем утверждали, что их мифы лежат в основе греческой философии. Но это всего лишь пример александрийских аллегорий, которые так же соответствуют истине, как и утверждения иудеев, будто Платон черпал свои идеи из Ветхого Завета. Безусловно, очень трудно объяснить, *каким* образом египетская философская мысль могла бы быть перенесена в Грецию (вряд ли купцы вообще способны переносить философские понятия из одной страны в другую). Как было подмечено Бернетом, бессмысленно гадать, позаимствовали ли греки философские идеи у того или иного восточного народа или нет, сначала надо установить, имел ли этот народ такие идеи вообще. А между тем нет свидетельств того, что у египтян была некая философия, которую они могли бы передать другим; и уж не может быть и речи о том, что философия пришла в Грецию из Индии и Китая.

Но тогда возникает следующий вопрос. Греческая философия тесно связана с математикой, а вполне обоснованно считается, что греки получили свою математику из Египта, а астрономию – из Вавилона. То, что греческая математика развивалась под влиянием египетской, а астрономия – под влиянием вавилонской, более чем вероятно: во-первых, греческая наука и философия начали развиваться в районе наиболее активных связей с Востоком. Но это совсем иное, чем утверждать, что греческая научная математика пришла из Египта, а их астрономия – из Вавилона. Не вдаваясь в подробности, скажем только, что вся египетская математика представляла собой набор простых эмпирических, доступных всем методов, дававших быстрый практический результат. Так, египетская геометрия в основном состояла из практических методов разметки полей, которую после разливов Нила приходилось каждый раз делать заново. Египтяне не создали научной геометрии, ее создали в Греции. Аналогичным образом вавилонская астрономия служила нуждам прорицателей, это была не научная астрономия, как у греков, а астрология. Таким образом, даже если мы предположим, что практическая математика египтян и астрономические наблюдения вавилонских астрологов оказали влияние на греков и обеспечили их исходным материалом, все равно достижения греков от этого ничуть не уменьшатся. Наука и мышление, в отличие от простых практических расчетов и астрологических построений Египта и Вавилона, суть продукты исключительно греческого гения.

Таким образом, греки явились первыми мыслителями и учеными Европы, и в этом смысле им нет равных¹. Они были первыми, кто взялся приобретать знания ради них самих, они использовали знание в научном, свободном от предубеждений духе. Более того, в соответствии с характером греческой религии они были свободны от влияния жрецов, которые, как особый класс, имели свои собственные традиции и эзотерические доктрины, за которые они держались и в которые посвящались лишь избранные. Влияние жрецов могло бы сильно помешать развитию свободной науки. Гегель в своей «Истории философии» довольно резко отвергает факт существования индийской философии на том основании, что она идентична индийской религии. Допуская наличие в ней отдельных философских *образов*, он считает, что они не приняли форму философской мысли, ибо излагались в поэтической и символической форме и, как и религия, ставили перед собой практическую задачу – освободить человека от иллюзий и страданий земной жизни, а не приобретение знаний ради знаний. Не связывая себя согласием с гегелевской точкой зрения на индийскую философию (которая после Гегеля получила еще

более четкое оформление в западном мире в ее чисто философских аспектах), согласимся с ним, что греческая философия как форма мышления с самого начала развивалась как свободная наука. Для некоторых она, возможно, заменяла религию, показывая, во что надо верить и как себя вести, однако это было скорее следствием того, что греческая религия не давала адекватного объяснения мира, а не присутствием в греческой философии мифологического или мистического элементов. Разумеется, это не умаляет значения и роли мифа в греческой мысли и не отрицает того, что эта философия имела тенденцию время от времени вторгаться в религиозные вопросы, как это наблюдалось, например, у Плотина. Как утверждал профессор Вернер Джегер, «в ранних космологиях греческих физиков мистические и рациональные элементы тесно переплетены и образуют нерасторжимое единство».

А профессор Целлер подчеркивал беспристрастие греков по отношению к окружающему миру, что в сочетании с их чувством реальности и мощью абстрактного мышления «позволило им очень рано признать свои религиозные идеи тем, чем они в действительности и были – плодом художественного вымысла». (Это высказывание конечно же вряд ли понравилось бы большинству греков, никак не связанных с философией.) С того момента, когда легенды о мудрецах и мифы поэтов уступили место полунаучным, полуфилософским размышлениям ионийских космологов, философия сменила собой искусства (по крайней мере, так должно было быть по логике вещей). Эта философия достигла вершины в системах Платона и Аристотеля, а впоследствии в системе Плотина поднялась до таких высот, что вышла из себя (трансцендировала), но уже не в мифологию, а в мистицизм.

И все–таки резкого перехода от мифа к философии не существует. Можно даже сказать, что, когда мифологический элемент начал уступать место рациональному мышлению, но не исчез еще полностью, теогония Гесиода нашла свое продолжение в ионийских космологических спекуляциях. Безусловно, он сохранился в греческой философии и в постсократическое время.

Величайшее достижение греческой мысли зародилось в Ионии; и если Иония была колыбелью всей греческой философии, то Милет был колыбелью ионийской. Именно в Милете жил Фалес, которого называют первым ионийским философом. Ионийских философов потрясали факты изменения, рождения и роста, увядания и смерти. При этом они хорошо понимали, что весна и осень в окружающей природе, детство и старость в жизни человека, появление на свет и уход из жизни – это очевидные и неизбежные процессы мироздания. Было бы большой ошибкой полагать, что греки были счастливыми и беззаботными детьми солнца, которые только и делали, что лениво бродили по галереям своих городов, созерцая великолепные произведения искусства или наблюдая за достижениями своих атлетов. Они были хорошо осведомлены о темной стороне жизни; радуясь солнцу и наслаждаясь, они прекрасно понимали, что человек беззащитен перед лицом природы и не знает, что с ним случится завтра, что смерть неизбежна, а будущее теряется во мраке. «Лучше бы человеку не родиться вовсе и не видеть света солнца, но уж если он родился, то лучшее, что он может сделать, – это как можно скорее пройти через врата смерти», – заявляет Теогнис, напоминая нам слова Кальдерона (столь дорогого Шопенгауэру): «Главное преступление человека – в том, что он родился». И слова Теогниса эхом отразились в словах Софокла в «Эдипе Колонском»: «Не быть рожденным – превыше любого расчета...»

Более того, хотя идеалом греков была умеренность, их стремление к власти не позволяло достичь его. Постоянные войны греческих городов между собой, шедшие даже в эпоху расцвета греческой культуры, когда всем было уже ясно, что надо объединяться против общего врага; постоянные восстания в городах, возглавляемые либо рвущимися к власти олигархами, либо демократами–демагогами; продажность греческих лидеров – даже в тех случаях, когда на карту была поставлена жизнь и честь родного города, – все это демонстрировало жажду власти, которая была так сильна в Греции. Греки презирали неудачников, для них идеалом была

сильная личность, которая знает, чего хочет, и способная этого добиться. Понятие «добродетель» у них означало главным образом умение достичь успеха. Как заметил профессор Де Бург: «Грек сказал бы о Наполеоне, что это был человек, во всех отношениях превосходящий других». Что же касается откровенного и беззащитного признания в неумной жажде власти, то стоит только прочесть рассказ Фукидида о встрече представителей Афин и Мелоса. Афиняне заявили: «Но и вы, и мы должны говорить только то, что думаем, и стремиться только к тому, что достижимо, ибо все мы хорошо знаем, что при обсуждении людских проблем вопрос о справедливости встает только тогда, когда силы сторон примерно равны; обычно же сильные забирают себе то, что могут забрать, а слабые отдают то, что должны отдать». Это содержится в знаменитых словах: «Ибо что касается богов, то мы верим, а что касается людей, мы знаем, что сама природа заставляет их властвовать в тех случаях, когда они могут это делать. Этот закон установлен не нами, и мы не первые, кто следует ему, мы лишь унаследовали его от отцов и передадим своим детям на все последующие времена. Мы знаем, что и вы сами, и все человечество поступили бы точно так же, если бы были так же сильны, как мы». Вряд ли можно найти более бесстыдное признание в стремлении властвовать, Фукидид же нигде не допускает даже намека на то, что осуждает поведение афинян. Напомним, что, когда в итоге Мелос сдался афинянам, те казнили всех мужчин, способных держать оружие, отдали в рабство женщин и детей и заселили остров своими поселенцами – и все это происходило в эпоху расцвета Афин и их культуры.

С волей к власти тесно связан принцип неизбежно наступающего возмездия. Человек, который хочет слишком многого, больше, чем ему определено Судьбой, неизбежно вызовет зависть богов и погибнет. У человека или народа, охваченного неумной жаждой власти и превосходства, развивается непомерная гордыня, которая ведет к краху. Слепая страсть порождает самонадеянность, а чрезмерная самонадеянность ведет к гибели.

Учитывая эту черту греческого характера, мы сможем лучше понять, почему Платон столь активно осуждал теорию «сильный всегда прав». Не соглашаясь конечно же с оценками Ницше, мы тем не менее не можем не восхищаться его прозорливостью, которая помогла ему увидеть связь между греческой культурой и волей к власти. Разумеется, эта неприглядная сторона греческой культуры – не единственная ее сторона. И если властолюбие греков – это неоспоримый факт, то и греческий идеал умеренности и гармонии – тоже факт. Мы должны понять, что греческий характер и греческая культура имели две стороны: первая – это стремление к умеренности, любовь к искусству, поклонение Аполлону и другим олимпийским богам, и вторая – пристрастие к различным излишествам, необузданная жажда превосходства, неистовое поклонение Дионису, описанное в «Бахусе» Еврипида. Так же как под покровом выдающихся достижений греческой культуры скрывалась язва рабства, так и под покровом волшебного мира олимпийской религии и искусства скрывались язвы пессимизма, неистового поклонения Дионису и всяческих излишеств. В конце концов, не таким уж фантастическим выглядит предположение, навеянное идеей Ницше, что вера в олимпийских богов для «дионисийского» грека представляла собой нечто вроде добровольно надетой узды. Подталкиваемый своим властолюбием к гибели, грек создал волшебный мир Олимпа, боги которого ревностно следят, чтобы он не перешел границу дозволенного. Таким способом он выразил свое понимание того, что страсти, бушующие в его душе, способны привести его к гибели. (Такое объяснение происхождения религии конечно же вовсе не претендует на научность с точки зрения историка религии: это просто попытка принять во внимание психологические мотивы – или влияние «природы», если хотите, – борющиеся в душе древнего грека, который сам вряд ли осознавал их.)

Вернемся, однако, к нашей теме. Несмотря на наличие столь неприглядных черт характера, греки интересовались и серьезными вещами – они видели, что в мире все постоянно изменяется, жизнь уступает место смерти, а смерть – жизни. Размышления над этими процес-

сами, которым предавались ионийские мыслители, и стали той основой, на которой зародилась философия. Мудрые люди понимали, что, несмотря на постоянные перемены и преобразования, в мире должно быть что-то постоянное. Почему? Да потому, что изменение – это смена одного другим. В мире должно быть что-то постоянное, то, что продолжает существовать, принимая различные формы и испытывая различные преобразования. Смена одного другим не ограничивается простой борьбой противоположностей; мыслящие люди были убеждены, что есть нечто, стоящее за этими противоположностями, что-то изначальное. Поэтому вся ионийская философия или космология сводилась в основном к попыткам найти этот исходный элемент, или *Urstoff*², всех вещей, причем один философ считал этим элементом одно, а другой – другое. Однако совершенно не важно, какой элемент тот или иной философ называл исходным, главное, что у этих философов была общая идея – идея Единства. На мысль о единстве их натолкнуло, по мнению Аристотеля, существование изменения или движения, хотя, по его же словам, единство не могло объяснить движения.

Хотя ионийцы полагали исходным элементом разные субстанции: Фалес – воду, Анаксимен – воздух, а Гераклит – огонь, они сходились в том, что этот элемент материален. В то время еще не было установлено различие между духом и материей, поэтому, хотя они и были материалистами *de facto* – в том, что основой единства и тем простым элементом, из которого состоят все вещи, считали определенную форму материи, – их едва ли можно назвать материалистами в нашем понимании этого слова.

Мы не можем сказать, что они сначала установили, чем дух отличается от материи, а потом отвергли это отличие; они просто не осознавали это различие или, по крайней мере, не понимали его последствий.

Кому-то может показаться, что ионийские мыслители были не столько философами, сколько учеными-дилетантами, пытавшимися объяснить внешний мир. Однако следует помнить, что они не ограничивались данными *чувственного восприятия*, а, отвлекшись от внешнего образа вещей, пытались выйти *за явления – к мысли*. Какую бы форму материи – воду, воздух или огонь – ни считали они изначальным элементом, по *внешнему виду* этих форм об этом никак нельзя было догадаться. Для того чтобы прийти к идее о том, что какое-то из них является *Urstoff*, из которого состоят все остальные вещи, необходимо было выйти за пределы явления и чувственного опыта. Ионийские философы создали свои концепции исходных элементов не на основе научного, экспериментального исследования, а с помощью спекулятивного мышления: единство, положенное ими в основу всего, – это действительное материальное единство, однако это единство постигается только с помощью размышления. Более того, это единство абстрактно – ибо философы установили его, абстрагировавшись от данных восприятия, – хотя и материально. Следовательно, мы можем позиционировать ионийские космологии как пример *абстрактного материализма*; мы уже находим в них понятия единства в различии и различия в единстве – а это философские понятия. Кроме того, ионийские мыслители были убеждены, что во Вселенной царствует Закон. В жизни отдельной личности принцип возмездия, гласящий, что отступление от того, что считается правильным и достойным человека, приводит к неизбежному краху, помогает восстановить нарушенное равновесие. Этот же закон сохранения равновесия, как способ предотвращения хаоса и анархии, философы распространили на всю Вселенную. Эта концепция Вселенной, подчиняющейся всеобщему закону, Вселенной, которая не может служить игрушкой в руках стихийных сил, или ареной, где один элемент незаконно и «эгоистично» вытесняет другой, создала основу научной космологии в противовес мифологии – плода человеческой фантазии.

С другой стороны, мы не можем сказать, что ионийская наука и философия были четко разграничены. Первые мыслители или мудрецы занимались самыми разнообразными исследованиями – например, астрономическими наблюдениями, – которые не были явно отделены от философии. Это были Мудрецы, проводившие астрономические наблюдения для нужд море-

плавания, пытавшиеся найти субстанцию Вселенной, создававшие искусные инженерные проекты и т. д., – и все это они делали, не проводя четкого различия между своими разнообразными занятиями. Только история, которая в те времена представляла собой своеобразное сочетание истории и географии, выделялась в отдельную науку, да и то не всегда. Тем не менее, поскольку ионийские философы сформулировали действительно философские понятия и проявили реальные спекулятивные способности и поскольку их деятельность стала этапом в формировании классической греческой философии, мы не можем исключить их из истории философии, словно они были малыми детьми, чей невинный лепет недостоин серьезного внимания. Первые шаги европейской философии не могут оставить историка равнодушным.

Глава 2

Пионеры: Ионийские философы

Фалес

Примером сочетания философа и ученого–практика в одном лице может служить Фалес из Милета. Говорят, что он предсказал затмение Солнца, о котором упоминал Геродот и которое случилось в момент завершения войны между лидийцами и мидийцами¹. Согласно расчетам современных астрономов, это затмение, которое можно было, по–видимому, наблюдать в Малой Азии, произошло 28 мая 585 года до н. э. Так что если история с предсказанием соответствует истине и если затмение, которое он предсказал, было затмением 585 года, то мы можем сделать вывод, что Фалес жил в начале VI века до н. э. Говорят, что он умер незадолго до падения Сардиса в 545 году до н. э. Помимо других научных достижений, которые ему приписывают, Фалес изобрел календарь и ввел в практику финикийский способ прокладки курса корабля по Малой Медведице. Диоген Лаэртский составил жизнеописание Фалеса, в котором содержится много анекдотов, например о том, как Фалес упал в колодезь или канаву, заглядевшись на звезды, или о том, как, предвидя неурожай оливок, он спекулировал оливковым маслом. Однако это скорее байки того типа, которые обычно сочиняют о мудрецах².

В своей «Метафизике» Аристотель пишет, что Фалес считал Землю наложенной на воду (рассматривая ее, очевидно, как плоский плавающий диск). Но самое важное заключается в том, что Фалес считал первоосновой всего воду. Его заслугой является то, что он первым поднял вопрос о Едином. Аристотель высказывает предположение, что на эту мысль Фалеса навели наблюдения. «Вероятно, он сделал этот вывод, увидев, что все на свете питается влагой, что само тепло порождается влагой и поддерживается ею (и то, что все вещи появились из нее, является основополагающим принципом). Он сделал вывод из этого факта, а также из того, что семена всех предметов имеют влажную природу, а вода – основа природы влажных вещей». Аристотель высказывает также предположение, впрочем достаточно робкое, что на взгляды Фалеса повлияли древние теологии, в которых вода – или Стикс у поэтов – была предметом, которым клялись боги. Как бы то ни было, явление испарения наглядно демонстрирует, что вода может превращаться в туман или воздух, а явление замерзания – что вода может превратиться в землю, если довести этот процесс до конца. В любом случае заслуга Фалеса заключается в том, что он первым поставил вопрос, что является основой всех вещей, а не в том ответе, который он дал на этот вопрос, и не в тех причинах, которые породили этот ответ.

Другое утверждение, приписываемое Фалесу Аристотелем, что вся природа полна богов и что магнит имеет душу и потому притягивает к себе железо³, не так–то легко интерпретировать. Было бы слишком большой смелостью толковать это утверждение в том духе, что Фалес верил в существование Мировой Души, и затем отождествить ее с Богом или Демиургом Платона⁴ – как будто последний создал Вселенную из воды. Мы можем с уверенностью сказать только одно – что Фалес рассматривал «вещи» как различные формы одного изначального элемента, и это самое важное. То, что он считал этим элементом *воду*, отличает его от всех других, однако он заслужил звание *первого* греческого философа тем, что первым выдвинул идею Единства в Различии (даже если он и не довел ее до логического конца), и тем, что, придерживаясь идеи единства, он пытался принимать в расчет очевидное разнообразие множества. Естественно, что философия стремится понять разнообразие, данное нам в опыте, его причины и сущность. Понять для философа означает выявить скрытое в разнообразии единство или ведущий принцип. Сложность этой проблемы нельзя оценить, не установив коренное

различие между материей и духом: до тех пор, пока оно не определено (и даже после того, если, сначала установив это отличие, потом от него отказываются), появляются иллюзии простых решений этой проблемы: реальность рассматривается либо как материальное единство (как у Фалеса), либо как Идея (как у некоторых современных философов). Сложность проблемы Единого и Многого можно оценить по справедливости только в том случае, если будет четко понята и недвусмысленно сформулирована концепция о сущностных уровнях реальности и доктрина аналогии бытия; в противном случае все богатство разнообразия будет принесено в жертву ложному и более или менее произвольно понятному единству.

Вполне возможно, что замечание, касающееся одушевленности магнита, приписываемое Фалесу Аристотелем, представляет собой отголосок примитивного анимизма, в котором идея фантазма животной души (теневой двойник человека, появляющийся в снах) была распространена на всю органическую жизнь и даже на объекты и силы неорганического мира. Но даже если это и так, то эта идея – пережиток прошлого, ибо на примере Фалеса хорошо прослеживается переход от мифа к науке и философии, а Фалес заслуженно почитается как основатель греческой философии.

Анаксимандр

Другим философом из Милета был Анаксимандр. Он, вероятно, моложе Фалеса, ибо Теофраст называет Анаксимандра его «товарищем». Как и Фалес, Анаксимандр занимался прикладными научными исследованиями; считается, что он создал первую географическую карту – возможно, для нужд милетских моряков, плававших в Черном море. Подобно многим философам, он участвовал в политической жизни – основал колонию в Аполлонии.

Анаксимандр собрал свои философские размышления в одну книгу, написанную прозой. Во времена Теофраста она еще «не сгорела», и именно ему мы обязаны сохранением отдельных фрагментов идей Анаксимандра. Он искал, подобно Фалесу, первоначало или исходный элемент всех вещей; однако пришел к заключению, что никакая конкретная форма материи (например, вода) не может быть искомым элементом, поскольку вода или влага сами по себе представляют лишь одну из противоположностей, конфликт которых требует своего объяснения. Если изменение, рождение и смерть, рост и увядание обязаны своим существованием борьбе, расширению одного элемента за счет другого, тогда – если допустить, что основой всего в мире является вода, – очень трудно понять, почему другие элементы не оказались давным-давно поглощенными ею. Таким образом, Анаксимандр пришел к выводу, что исходный *Urstoff* выделить невозможно. Он первоначальнее противоположностей, ибо из него происходит все сущее и в него все исчезает по необходимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.